

The book cover features a light blue background with a repeating floral pattern in shades of green, yellow, and dark blue. The pattern includes large flowers and leaves. A central, rectangular, parchment-like label with decorative scrollwork corners contains the title and author information. The author's name is at the top, and the title is in large, bold, serif letters. Below the title is the name of the collection in a cursive script. The book's spine and corners are visible, showing some wear and tear.

Ольга Буткова

ЗИНАИДА
ГИППИУС

Муза Д.С. Мережковского

AmorFati

Ольга Буткова

**Зинаида Гиппиус. Муза
Д. С. Мережковского**

«РИПОЛ Классик»

2017

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Гиппиус З.

Буткова О. В.

Зинаида Гиппиус. Муза Д. С. Мережковского /
О. В. Буткова — «РИПОЛ Классик», 2017 — (AmorFati)

ISBN 978-5-386-09860-5

Начало XX века было щедрым на странные истории любви. Но, наверное, ни одна пара не вызывала столько пересудов, как писательская чета – Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Они прожили вместе более пятидесяти лет, никогда не разлучались, не делали попыток расстаться. Многие считали, что главой этой семьи была Зинаида Николаевна – энергичная, острая, резкая, способная изумить, восхитить и напугать любого. Книга расскажет о жизни и судьбе гранд-дамы Серебряного века. Текст сопровождается иллюстрациями, воспоминаниями современников и цитатами из дневников героини.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Гиппиус З.

ISBN 978-5-386-09860-5

© Буткова О. В., 2017
© РИПОЛ Классик, 2017

Содержание

Предисловие	6
Родители	7
Детство	10
Отрочество	12
Жених	14
Странная свадьба	18
Начало семейной жизни	19
Поэтесса	24
«Яблони цветут»	30
Путешествия	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ольга Буткова Зинаида Гиппиус

© Буткова О.В., текст, 2017

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

Предисловие

Начало XX века было щедрым на странные истории любви. Но, наверное, ни одна пара не вызывала столько пересудов, как писательская чета – Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Они прожили вместе более пятидесяти лет. Они никогда не разлучались, не делали попыток расстаться. Отношения между ними никогда не были идиллическими, но все противоречия примиряло удивительное родство их душ. Многие считали, что главой этой семьи была Зинаида Николаевна, энергичная, острая, резкая, способная изумить, восхитить и напугать любого.

Дочь обрусевшего немца-чиновника, Зина Гиппиус большую часть своего детства и юности провела в провинции. Грустная и серьезная девочка, рыженькая и худая – казалось, судьба определила ей на всю жизнь остаться незаметной и тихой. Но сама Зинаида Николаевна решила по-другому. Не только стихами, статьями, рассказами, но и поступками, манерой общения, стилем жизни она создала новую себя. И словно бабочка из кокона, родилась гранд-дама Серебряного века, Белая Дьяволица. Она всегда сильнее раздражала, чем привлекала. Ее чаще ненавидели, чем любили. И возможно, ей это даже нравилось.

Родители

О своих предках Зинаида Николаевна рассказывала просто и обстоятельно. Не пыталась добавить романтических подробностей, не стыдилась с необразованных деда и бабушки с материнской стороны. Этой семье не пришлось испытать на себе конфликты «отцов и детей», столь частые в конце XIX века.

«Семья Гиппиус ведет свое начало от Адольфуса фон Гингста, переименовавшего фамилию Гингст на фон Гиппиус и переселившегося в Россию (в Москву) в XVI, кажется, веке из Мекленбурга (герб фон Гиппиус – 1515 г.). Несмотря на такое долгое пребывание в России, фамилия эта до сих пор в большинстве своем немецкая; браки с русскими не давали прочных ветвей.

Мой дед, Карл-Роман фон Гиппиус, был женат на москвичке Аристовой, русской. Первый сын их, Николай Романович, был моим отцом. Он очень рано окончил Московский университет и затем прожил, ввиду начавшегося туберкулеза, около двух лет в Швейцарии. Вернувшись, сделался кандидатом на судебные должности в Туле. В тот же год он познакомился с моей матерью, молодые братья которой тоже служили в Туле по судебному ведомству.

Дедушка мой по матери, В. Степанов, в то время уже умер; он был полицеймейстером в Екатеринбурге. Сам необразованный, он, однако, послал обоих сыновей в Казанский университет. После его смерти вдова с дочерьми переехала в Тулу, к сыновьям.

Бабушка с материнской стороны всю жизнь потом прожила с нами. В противоположность другой моей – московской – бабушке, Аристовой, которая писала только по-французски и не позволяла звать себя иначе, как grand'tata, эта до смерти ходила в платочке, не умела читать и даже никогда с нами не обедала».

З. Гиппиус.

Автобиографическая заметка

Именно свою неграмотную бабушку Зинаида Николаевна вспоминала позднее с особенной теплотой.

«...Бабушка, сибирячка, с темной старой иконой в углу, с зеленой перед ней лампадкой, с чулком в руках и с рассказами о Симеоне-столпнике и Николае-чудотворце. Бабушка, которой я, когда выучилась читать, читала Жития святых, а когда маленькая сестра моя умирала, говорила мне, шестилетней: „Помолись за нее, детская молитва доходчива“. Я молилась – сестра выжила, а я уже с тех пор уверилась, что если помолиться – хоть о хорошей погоде, – непременно будет. Вот только не всегда успеешь...»

З. Гиппиус. Дмитрий Мережковский

Как известно, предки Зинаиды Николаевны открыли в России один из первых книжных магазинов. Но насколько сильное влияние оказали мама и папа, бабушки и дедушки на юную Зину, остается не до конца проясненным. Как в провинциальной среде, среди хороших и умных, но обыкновенных людей выросла эта странная «зеленоглазая наядка»?

Родители поженились в январе 1869 года и уехали в город Белев Тульской губернии – место, ничем не знаменитое, кроме своей исключительно вкусной яблочной пастилы. Там Николай Романович получил место. В январе этого же года родилась старшая дочь Зина.

А уже через полтора месяца отца перевели в Тулу, на должность товарища прокурора, и семейство снова отправилось в путь. Маленькую Зину везла на руках тетка.

Белев. Открытка XIX века

«С этих пор и начались наши постоянные переезды: из Тулы в Саратов, из Саратова в Харьков, причем каждый раз в промежутке мы бывали и в Петербурге, и в Москве, где подолгу гостили», – рассказывает о своем детстве Зинаида Николаевна. Наконец, переехали в Санкт-Петербург, где любимая нянюшка водила Зину гулять в Летний сад. Столица запомнилась Зине смутно. Здесь отец дослужился до звания товарища обер-прокурора Сената. К сожалению, эта успешная карьера была неожиданно прервана: у Николая Романовича обнаружили туберкулез. Семья переехала на юг, в город Нежин Черниговской губернии.

Любовь к литературе девочка унаследовала от отца. «После него осталось довольно много литературного материала (он писал для себя, никогда не печатал). Писал стихи, переводил Ленау и Байрона, перевел, между прочим, всего „Каина“», – вспоминала Зинаида Николаевна. А мать обладала незаурядными музыкальными способностями.

И отца, и мать Зина нежно любила, и даже об отцовской строгости она позже писала с восхищением: «Мой отец был не суров, но строг и требователен. Когда он был чем-нибудь недоволен, он переставал обращать на меня внимание, и я знала, что необходимо идти просить прощения. После все выяснялось, и мы опять были друзья. Именно друзья, потому что он говорил со мной обычно как с равной, с большой».

Ее жизнь в детстве была обычной, как у других, – может быть, более грустной, нежели у большинства, из-за болезни отца. Девочка была ни на кого не похожей – странным, серьезным, упрямым ребенком. Однажды, во время пребывания в Санкт-Петербурге, они с няней пошли в Гостиный двор покупать куклу. Но четырехлетняя Зина потребовала себе живую куклу – другую девочку. Когда ее уводили, Зина плакала и кричала.

Гостиный двор, Санкт-Петербург. Открытка XIX века

Детство

«О ее детстве и первых юношеских годах мы не знаем почти ничего. Время, в котором она родилась и выросла, семидесятые – восьмидесятые годы, не наложило на нее никакого отпечатка. Она с начала своих дней живет как бы вне времени и пространства, занятая чуть ли не с пеленок решением „вечных вопросов“», – писал позже ее биограф, секретарь и друг Владимир Злобин. Вот детские стихи Зины:

*Давно печали я не знаю
И слез давно уже не лью,
Я никому не помогаю,
Да никого и не люблю...*

Несколько преувеличивая прозорливость ребенка, Злобин пишет: «Всё, что она знает и чувствует в семьдесят лет, она уже знала и чувствовала в семь, не умея это выразить». В наивных строчках детских стихов появляется то же настроение, которое будет возникать и в самых поздних произведениях Зинаиды Николаевны.

«В 1880 году, то есть когда мне было 11 лет, я уже писала стихи (причем очень верила в „вдохновение“ и старалась писать сразу, не отрывая пера от бумаги). Стихи мои всем казались „испорченностью“, но я их не скрывала... Должна оговориться, что я была несколько не „испорчена“ и очень „религиозна при всем этом... Вот вам сердце – в теле одиннадцатилетней девочки, едва прочитавшей Пушкина и Лермонтова – потихоньку!»

З. Гиппиус.

Из письма В. Брюсову

Когда семья переехала в Нежин, Зину по настоянию отца отправили в Киевский институт благородных девиц. Она была домашним ребенком и так тосковала по родным, что почти все время проводила в лазарете. Единственным симптомом болезни была повышенная температура. Ее прозвали: «Маленький человечек с большим горем». В конце концов девочку отправили домой, и вся семья была очень рада возвращению неудавшейся институтки. Однако любовь девочки к семье порой принимала странные формы. Нежно любимую мать она мучила, притворяясь больной. Это не была обычная детская шалость или нежелание учиться. Это было странное, противоестественное желание растравливать сердечные раны – свои и любимых людей.

Учили ее дома – в Нежине женской гимназии не было, и к девочке приходили учителя из Гоголевского лицея. Предметами, которые давались ей лучше других, были русский язык и литература. У одного из своих учителей Зина не без кокетства спрашивала: «А вы знаете еще другую маленькую девочку, которая умела бы так писать, без одной ошибки?»

Ранее в Нежине воспитывался Николай Васильевич Гоголь, и маленькая Зина хорошо знала повести и пьесы этого писателя, тем более что и ее отец был поклонником гоголевского творчества. Он добивался установки в Нежине памятника Гоголю и даже собирал средства на него. В зале Гоголевского института Николай Гиппиус устроил два любительских спектакля, вся выручка от билетов пошла на памятник.

И все же девочка часто ощущала свое одиночество. «Я росла одна», – пишет о себе Зинаида Николаевна. Собеседниками ее были только любимая нянька Дарья Павловна и нелюбимые гувернантки.

Маленькой она смотрела на отца и думала: «А вдруг он умрет? Тогда я тоже умру». Отец действительно умер рано, когда Зине было всего одиннадцать лет, а сам он не дожил и до тридцати пяти. Для девочки это стало страшным ударом. Мысли о смерти преследовали ее с тех пор на протяжении многих лет. «Я с детства ранена смертью и любовью», – писала она гораздо позже.

В это время у Зины было уже три сестры, совсем маленьких, одна из них еще грудная. Мать решила перебраться в Москву. Впрочем, денег на жизнь в столичном городе было мало, если учесть, что в семье зарабатывать было некому. С ними жили еще бабушка и незамужняя тетка.

«Еще при жизни отца я хорошо знала Гоголя и Тургенева. В Москве, особенно за последний год, перечитала всю русскую литературу и особенно пристрастилась к Достоевскому. Читала беспорядочно, и помогали мне кое-как разобраться только два человека: дядя с материнской стороны, живший у нас некоторое время (вскоре он уехал и умер от горловой чахотки), и учитель последнего года в Москве, Николай Петрович (фамилии не помню), которому я до сих пор благодарна. Он приносил мне новые книжки журналов, сам читал мне классиков, задавал серьезные сочинения. Помнится, что он писал тогда в „Русских Ведомостях“».

З. Гиппиус.

Автобиографическая заметка

В Москве провели три года. Зину отдали в дорогую гимназию Фишер, хотя расходы на это были семье не по карману. Училась она хорошо. Однако вскоре у Зины обнаружили туберкулез, а потому из гимназии ее пришлось забрать. Ее снова учат дома, и любимый предмет по-прежнему литература.

Вскоре мама решила, что ради здоровья Зины и ее сестер, у которых тоже были слабые легкие, нужно как минимум год провести в Крыму.

Отрочество

Крым пошел Зине, да и всем ее родным на пользу. Жила семья довольно уединенно. Они сняли несколько комнат на даче генерала Драшусова, высоко на горе, по дороге в Учан-Су. Младшие сестры подрастали и становились подругами; старшая занималась с ними.

Зина пишет стихи, но еще стесняется этого: читает родным только шуточные свои произведения. Единственное развлечение семьи – ялтинский театр. Мать с дочерьми навещают туда дважды в неделю, несмотря на непростую горную дорогу.

Здесь, в Крыму, прошел год, но возвращаться на север было еще опасно. Туберкулез еще мог дать о себе знать, да и младшие сестры крепким здоровьем не отличались. И вот в это время раздумий о будущем семью навещает мамин брат, Александр, тифлисский присяжный поверенный, адвокат, издатель газеты «Юридический вестник». Так происходит в жизни барышень Гиппиус перемена к лучшему. Вскоре все семейство направляется на Кавказ. Дядя берет на себя решение материальных проблем семьи – большего и пожелать было невозможно.

Лето проводят вместе с дядиной семьей в курортном Боржоме, на зиму едут в Тифлис. Веселье, танцы, круг молодежи – Зина совершенно счастлива.

Итак, старшей дочери в семействе Гиппиус шестнадцать лет. Образование ее совершенно бессистемно: «Умела заниматься тем, что нравилось, а к другому до странности была тупа». Отдавать в гимназию Зину уже поздно, кроме того, все понимают, что экзамена в последний класс она не сдаст. Зато юная барышня много читает и пишет – правда, пока этому никто не придает особого значения.

Увлекается она и музыкой – впрочем, скоро остывает, понимая, что не в этом ее призвание. Любит верховую езду, вместе со сверстниками ездит далеко в горы.

Именно здесь, в Боржоме и Тифлисе, из грустного и замкнутого ребенка Зина превращается в общую любимицу: «Характер у меня был живой, немного резкий, но общительный, и отнюдь не чуждалась я веселья провинциальной барышни». Впервые проявляется ее талант собирать вокруг себя самых разных людей.

Однако следующее лето 1887 года оказывается трагическим для всей семьи – на даче в Манглисе внезапно умирает дядя Александр. К горю прибавились и новые заботы – средств он почти не оставил, теперь и его жена, и сестра вынуждены экономить на всем.

В это время Зина снова уходит в себя. Когда умер отец, она была еще маленькой, но пережила настоящее взрослое горе. И теперь смерть близкого человека снова произвела на нее ошеломляющее впечатление. Она читает много стихов – разумеется, печального, мрачного Надсона, который был тогда кумиром молодежи. В одном из журналов ей попадает имя молодого поэта Мережковского – почему-то это запоминается.

«Первое мое влюбление, в шестнадцать лет, было кратко (как, впрочем, и другие) – в талантливого и красивого скрипача, сына нашего домохозяина, часто у нас бывавшего и очень за мной ухаживавшего. Он был уже тогда смертельно болен туберкулезом, но состояния своего не знал, и, вероятно, сделал бы мне предложение, если б, к счастью моей матери, которая все видела и ни за что бы на этот брак не согласилась, мы не уехали внезапно из Тифлиса. Через полтора месяца я все забыла, а мой Жюльот В. осенью от своей болезни и умер. Последующие мои влюбленности вызывали у меня отчаяние и горестные страницы в дневниках: „Я в него влюблена, но ведь я же вижу, что он дурак“».

З. Гиппиус. Дмитрий Мережковский

Весна 1888 года приносит новые надежды. Сестры Гиппиус, их кузены и кузины мечтают о поездке в Боржом, где они были так счастливы два года тому назад. Матери неохотно соглашаются и нанимают две маленькие недорогие дачки. Возможно, если бы не эта поездка в Боржом, судьба Зинаиды Николаевны сложилась бы совсем по-другому.

Жених

Тифлиссские юноши, отдыхавшие тем летом на боржомском курорте, увлекались рыжеволосой Зиной. У Гиппиус уже была в этом маленьком кругу слава поэтессы, некоторые друзья и подруги даже заучивали ее стихи наизусть. Многие увлекались поэзией, и приезд из столицы молодого петербургского поэта Дмитрия Мережковского был воспринят всеми с восторгом.

Дмитрий Сергеевич путешествовал по Кавказу вместе с поэтом Минским. В дороге они расстались, их заинтересовали разные маршруты, и кто-то посоветовал молодому человеку поехать в живописный Боржом. Как мы видим, роль случая в этой истории вообще значительна. Если бы мать Зинаиды не сняла дачу... Если бы Мережковский не заехал в Боржом... Дмитрию достался скверный номер в гостинице, и он уже хотел было уезжать, если бы не начальник почтовой станции, поэт-любитель, с радостью пригласивший петербургского стихотворца к себе в гости. Кстати говоря, сделал он это себе на беду, ведь он был влюблен в юную Зину Гиппиус и не знал, что приютил будущего своего соперника.

Уголок Ликанского дворца. Боржом. 1912

Зинаиде Николаевне не понравились стихи двадцатитрехлетнего Дмитрия Сергеевича, прочитанные ею в журнале. К тому же петербургский поэт не танцевал и не ездил верхом, а потому его шансы на успех в кругу боржомских барышень приближались к нулю. Однако он все же пришел в галерею с ротондой, где проходили танцевальные вечера. Подходя к

ротонде, Зина увидела рядом со своей матерью «худенького молодого человека, небольшого роста, с каштановой бородкой». Видимо, от застенчивости она поговорила с ним очень сухо. Ее больше всего волновало, что боржомская молодежь уже успела похвастать перед Мережковским стихами «нашей поэтессы», детскими и слабыми.

Как бы то ни было, знакомство состоялось, и за первой встречей последовали другие. Начались разговоры и споры о литературе, романтические прогулки по окрестностям. Правда, Мережковский одновременно флиртовал еще с одной боржомской барышней, Соней Кайтмазовой, но столичному «Онегину» это было позволительно.

Большими компаниями молодежь отправлялась в далекие поездки, возвращаясь иногда лишь утром. Мережковский всегда находился в центре внимания, хотя и не был весельчаком и остроумцем: «Никого он не „занимал“, не „развлекал“: он просто говорил весело, живо, интересно – об интересном».

Через две недели после знакомства, 11 июня, на детском празднике в боржомской ротонде, Мережковский заговорил с Зинаидой Николаевной о будущей женитьбе.

И Зинаида Николаевна с изумлением понимает, что ее отношения с Мережковским совершенно не похожи на все прошлые влюбленности... Вечером она рассказала о предложении матери и тетке, но те, зная влюбчивость молодежи, не восприняли эту новость серьезно.

Каждое утро Зинаида и Дмитрий встречались в парке и подолгу разговаривали.

«Бал был очень милый, но нашим матерям смотреть на детей было, кажется, веселее, мне же скоро наскучило. Д. С., конечно, тоже. Да в зале – духота, теснота, а ночь была удивительная, светлая, прохладная, деревья в арке стояли серебряные от луны. И мы с Д. С. как-то незаметно оказались вдвоем на дорожке парка, что вьется по берегу шумливого ручья – речки Боржомки далеко по узкому ущелью. И незаметно шли мы все дальше, так что и музыка уже была едва слышна. Я не могу припомнить, как начался наш странный разговор. Самое странное, что он мне тогда не показался странным. Мне уже не раз делали, как говорится, предложение. Еще того чаще слышала я объяснение в любви. Но тут не было ни предложения, ни объяснения: мы – и главное, оба – вдруг стали разговаривать так, как будто давно уже было решено, что мы женимся и что это будет хорошо».

3. Гиппиус.

Дмитрий Мережковский

Их любовь вскоре стала известна всему Боржому. Начальник почтовой станции, влюбленный в Зинаиду Николаевну, безумно ревновал и даже хотел сразиться с соперником на дуэли, остальные поклонники смирились со столичной знаменитостью. Осенью Дмитрий Сергеевич уехал в Петербург. Венчаться решили в январе. Это была единственная большая разлука в жизни Мережковского и Гиппиус. Но письма они писали друг другу каждый день.

«Молодую живость, увлекательную образность речей он умел сохранить до конца жизни, но у юного, двадцатитрехлетнего

Мережковского была в его речах еще и заразительная веселость, не злая, а детская насмешливость».

3. Гиппиус. Дмитрий Мережковский

Приехав в Петербург, Дмитрий Сергеевич легко уговорил мать согласиться на этот брак. Она обожала сына, и ее не смутило даже то, что Зинаида Николаевна была бедна. Труднее было убедить отца, генерала и чиновника, сурового, властного. Но все трудности были преодолены, и в конце ноября Мережковский уже вернулся в Тифлис. Он привез журнал «Северный вестник» с первыми стихами Зины, появившимися в печати. Впрочем, требовательная к себе девушка была ими недовольна.

Жених с невестой вместе читали Золя и Чехова, снова подолгу беседовали. Зина любила ездить в оперу – Тифлисская опера была хороша, сам Чайковский приезжал в город, слушал своего «Евгения Онегина». Мережковский оперу не любил, но готов был поскучать ради невесты. Семья Гиппиус была очарована Дмитрием Сергеевичем.

Д.С. Мережковский. 1890-е гг.

Странная свадьба

Это действительно были родственные души. Оба были полностью согласны в том, что свадебные платья и пиры – проявление дурного вкуса и даже пошлость. Решено было устроить простое и скромное венчание без толпы гостей и даже без певчих. Оно состоялось 8 января 1889 года в Михайловской церкви Тифлиса. На Зинаиде Николаевне было платье темно-стального цвета. Ей больше всего запомнились «яркие и длинные солнечные лучи верхних окон» церкви. Прямо после церемонии новобрачные отправились домой завтракать, потом читали книгу, обедали – день прошел так же, как и вчерашний. Зашла в гости бывшая гувернантка, мама сообщила ей между прочим, что «Зина сегодня замуж вышла». Та чуть было не упала в обморок. Потом муж ушел к себе в гостиницу, а новобрачная легла спать и как-то даже забыла, что замужем.

«Такая же была у меня за спиной толстая рыжеватая коса (я не изменяла прическу и в дальнейшие пять или шесть лет), в той же квартирке с низенькими потолками жила grand'tata, в том же углом доме против церкви Воскресенья, и так же золотилась вывеска над колониальным магазином Медведева с сыновьями».

З. Гиппиус.

Дмитрий Мережковский

И на следующее утро очень удивилась, когда мать разбудила ее словами: «Вставай, к тебе муж пришел».

Свадебным путешествием стал зимний путь в Петербург по Военно-Грузинской дороге.

Разговаривали вполголоса, чтобы не вызвать обвала. Ночевали в бедной гостинице на Крестовой горе, укрывшись шубой и шинелью. Таким было их свадебное путешествие.

Заехали в Москву, навестили бабушку Зинаиды Николаевны, которая ужасно рассердилась, услышав о венчании без фаты и белого платья. Встречи с Москвой молодая женщина ждала с волнением, но в старой столице совершенно ничего не изменилось.

В тот же вечер почтовый поезд умчал молодых в Петербург.

«Мы выехали довольно рано.

Со второй станции громоздкий дилижанс был покинут: нас по двое рассадили в сани, и мы покатали по узкой снежной дороге. Мне навсегда запомнилось это нестерпимое солнечно-снежное сверканье, как бы длительная молния. От него и синий вуаль, которым меня снабдили, не помогал.

Когда снежные стены с обеих сторон дороги делались круче и мелькал черный флажок на них, даже легкие сани замедляли ход: флажок обозначал опасность обвала.

А такой обвал – не пустое: гибель от него в диких местах почти наверное.

Другой флажок – красный – советовал, напротив, проезжать это место как можно скорее: тут обвал уже был, но возможен второй».

З. Гиппиус.

Дмитрий Мережковский

Начало семейной жизни

Поселились супруги в небольшой, заново обставленной квартирке на Верейской улице. Была она далековато от центра, но обустроил ее Дмитрий Сергеевич специально для своей молодой жены очень уютно, с любовью и вниманием, в этом ему помогла мать.

На следующий день произошло знакомство с родителями мужа. Чопорность и строгость его отца, генерала Сергея Ивановича Мережковского, отпугивали молодую женщину. Мать вызывала восхищение, но душевная близость между свекровью и невесткой вряд ли могла возникнуть быстро.

Впрочем, никакой страх перед родителями мужа не мог омрачить счастливых первых дней замужества. Согласие, царившее между молодыми, было основано на какой-то удивительной душевной близости. Современники уверяли, что близости телесной между Мережковским и Гиппиус не было никогда. Но какая разница, что именно соединяет людей, если в результате они оказываются связанными друг с другом крепко-накрепко, становятся, по выражению Гиппиус, «единым существом»?

«Он, в сущности, был совершенно одинок, и вся сила любви его сосредоточилась с детства в одной точке: мать. В „Старинных октавах“ он сам рассказывает об этом лучше, чем я могу это сделать. Он и со мной мало говорил о своей любви к матери – очень редко, – так целомудренно хранил эту любовь в душе до последнего дня.

Я видела их вместе, когда она первые месяцы приезжала к нам, привозила в наше новое (и скудное) хозяйство что-нибудь из своего, украдкой, конечно: пару рябчиков, домашние пирожки... мало ли что. Всегда закутанная в шаль. У нее было измученное лицо, но очень нежное. Черные, гладкие волосы на прямой пробор. Почти не было седины, да ведь она не была и стара. Болезненная желтизна лица, обострившиеся черты, а была она, видно, очень красива. Ее большой овальный портрет, висевший в кабинете отца и потом завещанный сыну Дмитрию, – на нем она молодая и красивая очень.

«Этот портрет висел у нас до нашего бегства – конечно, пропал, как все у большевиков.

Я помню ее в моем салончике-кабинете, на турецком диване, и Дмитрия около нее, прислонившись головой к ее коленям. Она его, как ребенка, гладила по голове: „Волоски-то густые...“ Она мне нравилась, но я чувствовала, что я ей пока что чужая».

З. Гиппиус.

Дмитрий Мережковский

Через два месяца произошло трагическое для семьи событие: мать Дмитрия Сергеевича умерла, и это стало для него страшным ударом. Его горе и отчаяние Зинаида Николаевна прекрасно понимала и разделяла, ведь и о ней самой часто говорили как о дочери, «болезненно» привязанной к своей матери. Она, как могла, утешала мужа. Не забудем, что Дмитрию в это время было лишь двадцать три года. Его отец, Сергей Иванович, уехал за границу. Родительского дома больше не было. Все тепло своей души Дмитрий Мережковский отдавал с тех пор только одному человеку – своей жене. Ей он доверял безраздельно.

Забегая вперед, можно сказать лишь одно: это был один из тех немногочисленных браков, который так и не превратился в несчастье для кого-либо из супругов. Разрушить это

единство было не под силу никому, даже если и случались у мужа и жены какие-то увлечения на стороне.

В рассказе «Простая жизнь» Зинаида Николаевна попыталась описать молодоженов – себя и Дмитрия Сергеевича – глазами горничной. Картина получалась идиллическая.

Разумеется, между двумя литераторами могло возникнуть соперничество. Чтобы этого не случилось, супруги изобрели уговор: Дмитрий Сергеевич пишет только стихи, Зинаида Николаевна – только прозу. Правда, долго они этого уговора не выдержали. Дмитрия потянуло к прозе – серьезным историческим романам. А Зинаида Николаевна была в стихах не менее, а возможно, и более талантливой, нежели в прозе.

Молодая чета Мережковских появляется в литературных кругах столицы. Это руководители и издатели журналов «Северный вестник», «Живописное обозрение», члены литературных кружков и салонов.

Через много лет Зинаида Николаевна с большой теплотой вспоминала о поэтах старшего поколения – Алексее Плещееве, Якове Полонском, в дома которых были вхожи супруги Мережковские.

«Молодая такая барыня, точно девочка; платьице короткое и коса светлая за спиной. Барин... тоже молоденький еще, маленький, черноватый; только нос длинный и виден. Курточка синяя надета. Посмотрел на меня – вижу, ничего, веселый барин...

Вставали поздно, напьются кофею – сейчас барин в свою комнату, двери кругом запрет и начнет наискось, от угла до угла, бегать, бегают, а сам громко ворчит и руками размахивает...

Придет барыня, сядет – и сейчас же он ей что-то выпевать начнет; мало понятно, гул один. Кончит – и спрашивает барыню: – Ну как, хорошо ли?

Та скажет: „хорошо“, а иной раз: „нет, говорит, мне это не нравится, вот тут-то и тут-то плохо“.

Барин сейчас же книжечку об пол, сам на диван ничком и кричит: – Что же теперь?! Ну, что делать? Нет, вижу, ничего я не могу, ничего!

Потом уладится как-нибудь, барыня в гостиную уйдет, а он опять бегают и ворчит про себя... А так они веселые были, бегают по комнатам, ловят друг друга, смеются – точно дети.

3. Гиппиус.

Простая жизнь

Номер журнала «Северный вестник».

Впрочем, их стихи юная Гиппиус всегда судит без малейшего снисхождения: Плещеева, заведовавшего стихотворным отделом «Северного вестника», она считает «детским» поэтом. И действительно, ведь его помнят главным образом по строкам:

*Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит.*

Молодая поэтесса с удивлением обнаружила, что между литературными кружками пролегают невидимые границы. Есть «либералы», которые не бывают в гостях у «не либералов». Так, никогда не видятся друг с другом свободолюбивый Плещеев и Полонский, который занимает должность цензора.

На пятницах Полонского бывала и семья Достоевского, и знаменитый музыкант Антон Рубинштейн. Один раз Зинаида Николаевна обратила внимание на «странноватого человека» с большими «прозрачно-восковыми» ушами. Это был всемогущий, зловещий обер-прокурор Синода Константин Победоносцев – тот самый, который, по выражению Александра Блока «простер совиные крыла» над Россией.

Ей симпатичны люди, которые умеют создать вокруг себя «литературное общество». Таков был поэт Петр Вейнберг, который знал и ценил «старую» литературу, но интересовался и новейшими течениями в искусстве. Он пригласил юную Гиппиус на традиционный вечер Литературного фонда – это честь, которой удостаивались лишь маститые литераторы.

В 1890 году Зина заболела тифом. Страх потерять ее чуть не свел с ума Дмитрия Сергеевича. Он буквально не отходил от ее постели. Это еще сильнее сблизило их. Именно в первые годы совместной жизни они создали себя и друг друга. Но видели мир они всегда по-разному, никогда не повторяя друг друга. Похожими они никогда не были.

Многие говорили о том, что в этом супружеском союзе именно Зинаида Николаевна воплощала мужское начало. Она была решительной, энергичной, более бескомпромиссной и резкой. Эмоциональный, нервный Дмитрий Сергеевич казался рядом с нею более женственным.

Но это не был один из тех браков, где супруг находится под пятой у жены. Нет, очень многие решения касательно их жизни принимал именно Дмитрий Сергеевич, а Зинаида Николаевна только соглашалась с ним. Но бывало и наоборот. Одним словом, у них сложилось содружество двух равных.

Зинаида Гиппиус. 1897 г.

Поэтесса

Зинаида Николаевна уже в первые годы супружеской жизни оказывается весьма плодовитым автором. Возможно, не последняя из причин заключалась в том, что женщины всегда практичнее мужчин, а литературный заработок был немаловажным источником пополнения семейного бюджета.

Через несколько лет исчезнет юная провинциальная девушка с рыжей косой. Появится петербургская писательница, печальная, загадочная и язвительная. «Декадентка!» – так называют ее в глаза и за глаза. Позже Зинаида Николаевна отрицала влияние декаданса на свое творчество. Она говорила, что ее интересовала главным образом «проблема индивидуализма». Однако от декадентского ореола никуда убежать было невозможно. А слово это было весьма модным, хотя и обладало, безусловно, отрицательными оттенками.

Героями рассказов Зинаиды Гиппиус были современники – горожане и дачники, студенты, духовенство, простонародье. Она писала о любви и смерти, о пошлости и трагедиях. У большинства рассказов были печальные финалы. В отличие от своего супруга, она не пыталась заглянуть в души людей разных стран и эпох, хорошо понимая, что для этого у нее недостает эрудиции.

«Стихи мои в первый раз появились в печати в ноябре 1888 г. в „Северном вестнике“, за подписью З. Г. Первый мой рассказ „Простая жизнь“ (заглавие изменено М. М. Стасюлевичем на „Злосчастная“) был напечатан в 1890, кажется, году в „Вестнике Европы“. Я писала романы, заглавий которых даже не помню, и печаталась во всех, приблизительно, журналах, тогда существовавших, больших и маленьких».

З. Гиппиус.

Автобиографическая заметка

Тон ее стихотворений, в которых, разумеется, на первых порах еще слышны отзвуки Надсона, уныл и печален. Трудно представить, что это писала счастливая двадцатилетняя девочка:

*Покою жду... Душа моя устала...
Зовет к себе меня природа-мать...
И так легко, и тяжесть жизни спала...
О, милый друг, отрадно умирать!*

На рассказы и повести Гиппиус появляются первые критические отзывы. К примеру, критик Аким Волынский достаточно снисходительно оценивает труды молодого автора: «Г-жа Гиппиус пишет очень просто, не прибегая к пошлым риторическим оборотам и ни к каким затасканным беллетристическим манипуляциям. Это хороший симптом, но... но есть простота и простота. Сквозь простоту „Злосчастной“ проглядывают черты неопытности и художественной незрелости».

*Декаданс (от франц. *decadence* – упадок) – общее обозначение нереалистических направлений в русском и европейском искусстве конца XIX – начала XX в. (декадентские настроения, декадентская идеология). Сам термин возник во Франции в 80-х годах XIX века, одновременно с понятием «конец века». С этим понятием в большой мере связаны идеология, этика и эстетика Д., а также основные мотивы творчества художников-декадентов конца XIX – начала XX в.:*

утрата надежд, идеалов, ощущение безнадежности и бессмысленности существования. Черты Д.: введение в литературу (прежде всего поэзию) тем небытия, смерти, „ухода“; культ хрупкой, болезненной, угасающей красоты; проповедь неограниченной свободы личности и „искусства для искусства“; пренебрежение общественной моралью, крайний индивидуализм; отчуждение (отстранение) от реальной жизни и „уход в себя“. Д. не является отдельным художественным направлением; он получил свое воплощение в различных направлениях (например, в символизме)».

Словарь литературоведческих терминов

Зинаида Гиппиус и Аким Волынский. 1890-е гг.

Аким Волынский был одним из первых рецензентов, отнесшихся к юному дарованию с симпатией. Через несколько лет свой первый сборник рассказов «Новые люди» 1896 года Гиппиус посвящает именно ему. Уже в самом названии есть заявление о некоей новизне высказывания. Однако многие критики как раз-таки новизну тем и незаурядность авторской индивидуальности Гиппиус отрицают.

Вот маститый литератор Н. К. Михайловский пишет о книге «Новые люди»: «Пишет она второго сорта безобидные рассказы, которые беспрепятственно печатаются в разных журналах, не вызывая больших восторгов, но не вызывая и каких-нибудь яростных нападений. Так себе, в числе прочих».

И тот же самый Аким Волынский, с которым у Гиппиус завязались весьма близкие отношения, очень обидно отзывается о книге «Зеркала» 1898 года: «Беллетристика г-жи Гиппиус представляет собою нетвердое соединение некоторых философских идей, навеянных ветром современности, и личного психологического опыта, не отличающегося ни особенною глубиною, ни разнообразием».

Иные отзывы звучат и вовсе в оскорбительном ключе, как, например, слова Б. Глинского: «Большой интерес представляет собою для психиатрической литературы З. Н. Гиппиус, супруга поэта-символиста Д. Мережковского. Эта писательница страдает явной неврастенией на почве анемичного литературного творчества. Г-жа Гиппиус лет уже пять как появилась в нашей журналистике, и ее беллетристические произведения занимают вполне определенное место в новейшей русской литературе. Она не пишет больших повестей, романов, а пробавляется лишь мелкими рассказами, которые по своим сюжетам стоят на грани детской литературы и литературы для взрослых. Герои г-жи Гиппиус не взрослые люди, наделенные опытом жизни, страстями и убеждениями. Перед читателем проходит целая галерея портретов юных гимназистов, кадетов, студентов, юнкеров. Эта молодежь мужского пола ухаживает за гимназистками, институтками или девицами, получающими воспитание в родительском доме. Разговоры их чисто детские, рассуждения незрелые, занятия днем, на людях, не содержат в себе ничего дельного, серьезного, достойного внимания».

Но Зинаида Николаевна была не из тех, кого можно обескуражить даже самой злобной критикой. Она продолжала писать стихи и прозу, а издатели с удовольствием публиковали ее.

Причем если ее муж предпочитает в своих произведениях путешествовать по странам и эпохам, то она никогда не покидает современности. Она пишет о знакомом, близком, понятном, вот почему герои ее ранних рассказов – молодежь.

В молодые годы она, безусловно, гораздо ярче проявляет себя как поэт, нежели как прозаик. Рассказы приносили заработок, но известность дали ей только стихи. Двадцати четырех лет от роду она пишет стихотворение «Песня», которое сделало ее известной. Это ее «пропуск» в русскую литературу.

*О, пусть будет то, чего не бывает,
Никогда не бывает:
Мне бледное небо чудес обещает,
Оно обещает,
Но плачу без слез о неверном обете,
О неверном обете...
Мне нужно то, чего нет на свете,
Чего нет на свете.*

Эти строки стали своего рода манифестом раннего символизма. Поэты отвергали скучную обыденную жизнь в жажде «чудес», в стремлении к тому, «чего нет на свете». За несколько лет Зинаида Николаевна сумела проделать огромный путь. Начав со скучноватых

подражаний Надсону, она нашла совершенно новую интонацию, покорила современников своей дерзостью.

Писала она, как правило, от мужского лица. Ее лирический герой был мужчиной. Этому правилу она изменяла всего пару раз на протяжении всего своего долгого поэтического пути.

Никогда Зинаида не оставалась в стороне от литературных трудов и духовных исканий своего мужа. А его интересы были бесконечно разнообразными. Так, например, в 1891 году он пишет статьи об императоре-философе Марке Аврелии, об испанском драматурге Кальдероне. Одновременно работает над романом об императоре Юлиане Отступнике. И много переводит Гёте и Софокла. Работоспособность Мережковского, как и его эрудиция, изумляли всех, включая его жену.

Зинаида Гиппиус. 1890-е гг.

Но если Мережковский был интровертом, необщительным, а порою даже нелюдимым, то Зинаида Гиппиус обладала талантом не только завязывать множество знакомств, но и поддерживать их, заинтересовывать окружающих. Эти умения были залогом ее успеха в петер-

бургском литературном мире. Она очаровывает старых, маститых поэтов, расцвет творчества которых приходился еще на шестидесятые годы XIX века, и привлекает молодых. Она постепенно становится одной из самых ярких звезд «литературного общества».

Выясняется, что у нее есть еще один талант, чрезвычайно редкий, – находить интересных людей и интересное в людях. Через много лет Георгий Адамович скажет о ней: «Она, как никто, чувствовала и улавливала музыку в других людях, в чужих писаниях, страстно на нее откликалась и всем своим существом к ней тянулась».

«Яблони цветут»

Один из ранних рассказов Зинаиды Николаевны назывался «Яблони цветут». Он рассказывал о молодом человеке, музыканте, в душе которого происходила борьба между любовью к матери и необыкновенной девушке Марте.

Мать – красивая, тонкая, ранимая – хочет полностью владеть душой сына. Она хочет быть главной, первой в его душе. Когда она узнает, что сын «предал» ее, отдал сердце другой, от ревности заболевает и умирает. Несчастный молодой человек до того привязан к ней, что не может без нее жить. Он чувствует, что жизнь его кончена.

Есть соблазн увидеть в этом рассказе отголоски мыслей Зинаиды Николаевны о необыкновенной любви Дмитрия Сергеевича к матери, о ее раннем уходе из жизни. А в Марте, которая любит сидеть среди цветущих яблонь и носит странные платья, она, возможно, видит себя.

Впрочем, первые рассказы писательницы еще очень наивны. В них много страстей и отчаяния, но еще не хватает точности и уверенности. Ничего удивительного, если учесть, что писала Зинаида Николаевна много и быстро.

Путешествия

Первые годы после свадьбы стали особенно счастливым временем в жизни Мережковских не только благодаря бурной литературной жизни. Это время путешествий по самым красивым городам Европы, и не только Европы. В 1891 году они едут в Италию. В венецианском соборе Сан-Марко, его «цветном сумраке», они встречают Антона Павловича Чехова и знаменитого издателя Алексея Сергеевича Суворина и некоторое время путешествуют вместе. Суворин в глазах либеральной общественности был фигурой одиозной, так как издавал консервативное «Новое время». Тем не менее Гиппиус даже сдружилась с ним: она ценила его природный ум и умение находить таланты. Кроме Чехова, Суворин открыл для публики замечательного русского мыслителя Василия Розанова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.